

Татьяна Вебер

**ОТ СУДЬБЫ
НЕ УБЕЖИШЬ**

Бежит, бежит куда-то строчка...
Как муравьишка по листочку.
Как кошка языком шершавым.
Как помело по тротуарам.
Как каблучки: Тук-тук... Тук-тук
— вагон в заснеженный Устюг.
Как молоко. Как стрелка: Ах!
и на чулке, и на часах.
Как золушка. Как в норку мышь. Как

Татьяна Вебер

От судьбы не убежишь

«Издательские решения»

Вебер Т.

От судьбы не убежишь / Т. Вебер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931510-6

А я пою, пою о том... о сём... А в это время рак стать карасёммечтает, а карась — летать. Да только птицей карасю не стать... И мне не стать ни Блоком, ни Бассё. Я, как могу, пою про то... про сё...

ISBN 978-5-44-931510-6

© Вебер Т.
© Издательские решения

Содержание

А я ещё не летняя совсем	6
Каменный мёд	7
Мой мужчина	8
Войди в меня	9
Чин-Чин	10
Быть	11
память живёт	12
не пишу тебе здесь	13
я плоха	14
Выходной	15
Стеклянная бабочка	16
Сотни пёстреньких кукушат	17
Пуля тихо поёт	18
Мышь	19
тот самый	20
воображариум	21
а вам а вам	22
коридоры памяти	23
кому-то мышь, кому-то слон	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

От судьбы не убежишь

Татьяна Вебер

© Татьяна Вебер, 2018

ISBN 978-5-4493-1510-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А я ещё не летняя совсем

А я ещё не летняя совсем.
А я ещё укутана в былое —
Морозное и чуточку смешное
с синичками на шерстяном боку.
А я с зимой проститься не могу.
Вон на ветвях проклюнулись листочки,
А я ещё упрятана в носочки,
Ещё в кармане каждом по платочку —
Один – на всякий, а другой – не впрок,
Весь от капли ледяной промок,
Которая то там то тут то там.

А здесь весна и всякое такое!..
Все предаются чувствам и мечтам...

И он мне говорит: «Раздеться стоит.
Почувствовать как солнышко печёт.»
И трогает так нежно за плечо.
И я хочу, чтоб трогал он ещё
И стягиваю с плеч всё шерстяное.

Каменный мёд

Прости меня, пожалуйста, прости!
Я разучилась кружева плести.
Я только гнёзда вью.
Я только – вьюн.
Мой нрав на первый взгляд, лишь, лёгок, юн.
Я – плющ, лианы, магнетичный Каа,
Удушливая липкая строка.
Я, если, мёд – из каменной гряды.
Мне если нужен кто, то только ты.

Мой мужчина

Есть ты – мой Мужчина и... все остальные —
интеллектуалы и мышцы стальные.
Они хороши для других. Априори,
меня, ты, волнуешь... заводишь, как море,
лишь голосом вкрадчивым, с пол-оборота:
Сбежишь на полчасика раньше, с работы?!
И... к чёрту все КЗоТы! Законы к едрене!
Твой тембр равнозначен торнадо по силе —
срывает мне крышу и... кошку на шпиле
дразнит и... бесстыдно разводит колени...

Войди в меня

Войди в меня, как входят в дом лучи
тепла и света, нежности и неги.
Найди всего одну из ста причин,
Чтоб семя уронить, пустить побеги...

Всего одну, такую, чтоб из ста
Была чиста, слепа и неизбежна.
Всего одну, но чтоб была проста.
Проста до гениальности, коне [ш] но.

Чин-Чин

Чин-чин!

А за любовь с тобой не станем
Ни говорить, ни пить, ни умирать.
Мы станем жить несчастливы местами,
Местами счастливо, а, впрочем, наплевать,
Как это называют в умных книжках
По психологии и где-то там ещё...
Давай, леща поймаем на мормышку
И с чешуёй в духовке запечём.

БЫТЬ

Быть выше... быть тоньше...
Вещицей слоновой кости —
Священной фигуркой...
опиумной трубкой...

Других, много дольше,
в твоей обретаться горсти
игральной фишкой...
домашней голубкой...

Из белого снега,
из белого пуха плести
корзину с дарами...
кармический парус...

И лаской, и негой,
обкатывать боль... Растить
на клумбах цветы...
в постели упругий фаллос...

память живёт

А память живёт внутри – то птичкой, то мячиком,
то солнечным зайчиком, то серебристым карасиком,
пойманным на удочку осенью,
портфелями, что под окнами школы бросили,
«Можно поцеловать тебя в губы?»
Зачем он спрашивал...
«любовной трясушкой»... Нирваной... гранжевым
бурым пятнышком, лампами,
с загребущими ярыми лапами,
которые, выскабливают до доньшка
плоскодонку, пребывающую в душевной коме,
а после – плыви судёнышко...
Плыви и помни!

не пишу тебе здесь

Не пишу тебе здесь. А в родных палестинах
на салфетках, манжетах, на зеркале в ванной, помадой
я писать не устану...
И полусладко, и винно
к Мысу Доброй Надежды, бутылочную армаду,
этим утром рождественским бросить в морские
глубины!..
Но я есть государство без выхода к океану.

Я плоха

Я плоха. Мне пора на плаху.
Я надена твою рубаху,
златорукий и мудрый асура,
свою рыжую шевелюру
на колени твои пристрою.
Примешь ты меня, нынче, такую —
не приглаженною, ершистой?
Ты – корабль, я – берег скалистый,
ни причал и ни гавань.
Слышишь, словно в тигле шипит во мне идиш,
по-кошачьи шипит и скребётся.
Та, другая, ушла, но вернётся,
под крыло, королевская пешка...
Ну, а эту казни, не мешкай.

Выходной

Слышите, кто-то плачет
Там, далеко...
Его обошла удача,
Ему не легко.
А здесь, сегодня, веселье-
Пир горой!
И там, и тут – воскресенье,
Выходной.

Стеклянная бабочка

Какой же ты занятый, не вычурный, не пафосный,
не гламурный – занятый...
Сколько же всего в тебе понамешано...
целые цивилизации уже открытые кем-то ранее
и благополучно существовавшие тысячелетия до нас,
без нас... сиюминутно выдуманные тобой, заманчивые
и одновременно пугающие потусторонние миры...
пьянящие мелочи, такие ощутимые и узнаваемые
на ощупь, на слух, на вкус...
Мелочи... всё состоит из мелочей... из этой назойливой
мошкары, любительницы приложиться к коктейлю
повседневности, к нежным венкам зарниц на запястьях
горизонта. Вот и ты, мой седеющий мальчик, пей меня...
пей, как парное молоко... как «вино из одуванчиков» —
летнее, солнечное, ветренное... положи голову мне
на грудь, будь как дома... как в своём лучшем
волшебном сне, который пробудившись забудешь...
но ещё долго будет преследовать янтарное послевкусие
литоринового моря... детская улыбка, омытая слезой...

Медленно, медленно крылья сон расправляет.
Ритмы уравновешены – альфа... бета...
На запястье бабочки тень мерцает
Греты.

Сотни пёстреньких кукушат

У тебя метражи, чертежи.
У меня миражи, миражи...
Луи Армстронг... Дассен... Кенни Джи.
Я лечу над гнездом... Я во ржи...
Ты мобилен, практичен, умён.
У меня в голове сто имён...
Сто неродственных именин.
Двести глаз, ни один не любим
Кем-то близким, родным. Родных
Не случилось пока у них.
Их в угаре, в чаду, на бегу,
Словно яблоки на снегу.
Отсекли с пуповиной кров.
Сто сердечек и сто вихров.
Сотни сжатых в тоске кулачков.
Сотни спёкшихся мозжечков.
У тебя метражи, чертежи.
У меня миражи... миражи...
В голове сиротливо молчат
Сотни пёстреньких кукушат.

Пуля тихо поёт

Пуля тихо поёт: – «Усни...»
Поцелуем впиваясь в плечо.

И целуя купюры, мясник
Напевает: – «Ещё! Ещё
Пищу пороху и ножу!
Вот растерзанный, выноси!
Не дрожу и не дорожу,

их, сермяжных, полно на Руси.
А у них и плечей, и ртов,
тихих воинов шахматных – рать,
в тараканьей тьме городов,
что на картах не отыскать».

А у нас поцелуи сладки,
Мир не делится. Мир ничей.
И впиваются ноготки
в пантеоны нагих плечей.

Мышь

Всё опять так нескладно вышло —
потоптались и... разбежались.
Ты в берлогу залёг. Я, мышью,
юркну в норку, меня заждались...
Стану грызть мышатам орешки,
щёлкать семечки, шлёпать попы,
развлекать, сочиняя потешки
И... с ума сходить от икоты.

ТОТ САМЫЙ

Я так устала быть Вашей Мартой, Мюнхгаузен...
Но Вы так красивы, когда сочиняет историю очередную,
правдивую,

про волоокую диву, в лебяжьей кофточке.

Вы говорите ей: «Плыви, плыви лодочка!.. покачивая бортиками
в джинсовых шортиках.»

И она плывёт, покорная, лебедь белая. И она плывёт то смелая, то
несмелая...

И она рада Вам, как солнышку ясному, И штормтрап
поблёскивает балясинами...

И Вы сочиняете очередную, правдивую самую, Про медвежью,
заснеженную, обетованную...

Дураки да дороги, две мысли негожие
и Вы лжёте. Выдумываете хорошее...

И кружите, кружите вальсами-мантрами, Вашу глупенькую
влюблённую Марту.

воображариум

Фонтанируя рыжими дредами,
Спит исключительно с мозгоедами,
В доме её, сегодня, обедали —
Кант и Лист.
Её многобайтовый воображариум,
Как аквариум в аквариуме...
Его, для неё, еженощно затаривает
Финансист.

Она ж наблюдает, пепельно-серыми, За саламандрово-
сиреневыми,
Которые, прыгают между коленями
Вверх – вниз.

а вам а вам

а вам а вам в безудержной погоне
за власть комфорт и лавровый венок
вам слушать стоны ампельных бегоний
сочувствие отряхивая с ног

а вам а вам не знающим участья
толкушим в ступе гаревую стынь
багрово крякать от чужого счастья
и разговляться от чужих святынь

а вам а вам стреляющим в затылки
не видеть глаз танцующей беды
всю жизнь писать фальшивые картинки
и оставлять кровавые следы

а вам а вам не знающим пощады
чей взгляд замылил золочённый нимб
из тел живых построить баррикады
из мёртвых тел ступени на Олимп

коридоры памяти

Брить в коридорах памяти шею отцу,
с мамой на злом морозе бельё от верёвки
отдирать и жевать бедный хлеб – мацу
настоящего, на городской парковке.

Воздух морозный и сладковат дымок...
Тоненькой веточки вишни шампур обуглен...
А по весне берёзовый каплет сок в ведра детсадовские...
Не найдёшь, не гугли.

Мама не понимала, за что ТАК с ней.
Папа не понимая, за что же с ним ТАК...
Горькую пил и теряя крепость корней,
превращался в тлеющий древний свиток.

К лету восьмого он догорел совсем.
Степь, его колыбель и его смотритель,
распахнула рот земляной и вен
жёлтые глины обвили его обитель.

Брить в коридорах памяти шею отца
и перегаром дышать и, глядя на сына,
понимать: «Как похож на него с лица...
И... на изнанке света всё те же мины».

КОМУ-ТО МЫШЬ, КОМУ-ТО СЛОН

Кому-то мышь, кому-то слон...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.